

В.Б. Валькова
(Москва)

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МУЗЫКАНТА: К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНЫХ РЕСУРСОВ ЖАНРА.

Летопись жизни и творчества – весьма специфический и, несомненно, востребованный вид музыковедческих публикаций. Летопись входит в группу информационно-вспомогательных жанров (наряду со справочниками, словарями, разного рода хронографами и путеводителями) и вместе с ними по традиции занимает «маргинальную» позицию, оказываясь в тени концепционных монографий, сборников научных статей, диссертаций и других солидных трудов. Однако в наше время заглядывать в маргиналии и находить там неожиданные стимулы для размышлений, наблюдений и переоценки привычного становится все более плодотворным занятием. Попробуем реализовать эту тенденцию на материале выбранного здесь жанра.

Музыковедческие «летописи», как правило, в той или иной степени используют опыт литературоведения, где работы этого типа составляют огромный, с трудом поддающийся учету массив. Здесь есть «летописи жизни и творчества» многих крупных русских писателей и поэтов – от Ломоносова, Пушкина и Баратынского до Горького, Есенина, Ахматовой. Эти издания отличаются от музыковедческих своим размахом – почти все они многотомные, составлены большими коллективами авторов.

В музыкознании летописи представлены вполне обозримым, но тоже весьма солидным рядом изданий. В них представлены факты жизни и творчества Чайковского («Дни и годы П.И.Чайковского», 1940)¹, Мусоргского («Труды и дни М.П.Мусоргского. Летопись жизни и творчества»² А.А.Орловой, 1963), Ф.И.Шаляпина (в 2-х книгах, Сост. Ю.Ф.Котляров и В.И.Гармаш, 1984-89)³, А.Н.Скрябина (Сост. М.П.Пряшникова и О.М.Томпакова, 1985⁴), Мясковского («Страницы творческой биографии Н.Я.Мясковского» О.П.Ламм, 1989).⁵ В качестве самой первой попытки такого рода в музыковедении иногда называют небольшую (181 страниц) работу Б.В.Асафьева «Антон Григорьевич Рубинштейн в его музыкальной деятельности и отзывах современников», изданную в 1929 году⁶. Все

¹ М.-Л.: Музгиз, 1940. – 740 с. (издание под редакцией В.В.Яковлева подготовлено коллективом авторов на базе Дома-музея Чайковского в Клину).

² Автор-составитель А.А.Орлова. – М.: Музгиз, 1963. – 363 с.

³ Л.:Музыка, 1984-85. – 1048 с. (общий объем 38,9 п.л.; второе издание – 1988-89, общий объем 47 п.л).

⁴ М.: Музыка, 1985. – 294 с.

⁵ М.: Сов. комп., 1989. – 363 с.

⁶ М.: Гос. изд. Музыкальный сектор, 1929. – 181 с.

перечисленные книги появились в советский период. В постсоветские годы вышла только одна подобная работа – «Летопись жизни и творчества В.И.Сафонова (составленная Л.Л.Тумаринсон и Б.М.Розенфельд⁷, 2009).

Исключительное место в приведенном ряду занимает «Летопись моей музыкальной жизни» Н.А.Римского-Корсакова (первое издание – СПб, 1909). Обозначение жанра – «летопись» – в данном случае опережает общую русскую традицию: подобные названия тогда еще не укоренились (об этом специально будет сказано позже). По существу, книга Римского-Корсакова представляет собой род подробного дневника или, скорее, мемуаров, фиксирующих события, связанные с его музыкальной деятельностью. С зарождающимся жанром «летописи жизни и творчества» он имеет отдаленную связь, прежде всего потому, что у Римского-Корсакова не было необходимости соблюдать главное требование позднейших «летописей» – обращение к историческим документам.

Разговор о конкретном жанре, конечно, прежде всего, требует определить его специфику и границы. Приведу одно из многочисленных определений. Оно предложено в статье «От редакции», предваряющей «Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского». Там четко указано, что научная «летопись» «...представляет собой строго выверенный хронологический свод дошедших до нашего времени и выявленных к моменту ее выхода в свет печатных и архивных данных о писателях»⁸. Таким образом, «летопись» предлагает читателю расположенный в хронологическом порядке перечень событий жизни и творчества героя, с обязательными отсылками к документам, из которых почерпнуты сведения об этих событиях. Часто запись о событии подтверждается цитатами из соответствующих документальных источников.

Есть у этого жанра и свои ограничения. Как правило, данный вид исследований не предполагает каких-либо обобщений и анализа произведений. Отличается Летопись и от весьма распространенных во всем мире хронографов, предполагающих только называние дат и событий, без подтверждения их точными ссылками на источники, которые обычно лишь перечисляются в предваряющих статьях.

Стоит обратить внимание на то, что «летописи» – явление сугубо российское. В зарубежной музыковедческой литературе предпочтение отдается крупным документально-биографическим исследованиям, которые выдержаны в более свободной форме и включают обширные данные не только о самом герое, но и о его окружении. Аналогичную «летописям» функцию, возможно, выполняют активно публикуемые биографические и библиографические справочники, каталоги сочинений, концертных выступлений и дискографии.

⁷ М.: Белый берег, 2009. – 767 с.

⁸ Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского. В 3-х . / Сост. Орнатская Т.И., Якубович И.Д. Т. 1. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. С. 7-8.

Популярность жанра «Летописи» именно в нашей стране – интересная тема для специальных культурно-социологических изысканий. Не прибегая к подобным изысканиями, можно лишь выдвинуть некоторые гипотезы. Можно, например, попытаться объяснить эту ситуацию тем, что в период зарождения жанра (конец XIX века) потребность в биографических публикациях обгоняла готовность отечественных авторов к созданию монументальных документированных биографий. Русская гуманитаристика не обладала еще в то время достаточной зрелостью и сложившимися традициями для того, чтобы по-настоящему ценить, собирать и изучать исторические свидетельства (на что неоднократно сетовал в своих статьях В.В.Стасов). «Летопись жизни и творчества...» (или, как это называлось тогда, «Канва для биографии...»), по-видимому, казалась облегчением и ускорением такой работы, избавляя автора от обобщений и собственных суждений. Это могло быть связано и с известной осторожностью русских авторов при выдвижении каких-либо оценок в отношении деятелей недавнего прошлого – слишком много споров шло тогда вокруг них, слишком яростным порой бывало противостояние «литературных партий».

Возможно и иное объяснение – жанр «Канвы для биографии...» давал возможность обойти цензурные препоны, довольно жесткие в России (это можно отнести как к дореволюционной России, так – в еще большей мере – и к советской эпохе). Сухое изложение дат и событий избавляло от идеологических придиорок и запретов.

Опираясь на устоявшиеся принципы, жанр «летописи» заметно менялся, развиваясь и трансформируясь. Его история начинается в 1880-е годы. По свидетельству специалистов, первой работой такого рода была «Хронологическая канва для биографии А.С.Пушкина», составленная академиком Я.К.Гротом и вошедшая в 1887 году в его книгу «А.С.Пушкин. Его лицейские товарищи и наставники»⁹. После этой работы появляется целый ряд аналогичных опытов, с устойчиво повторяющимся жанровым определением «Канва для биографии...».

После появления в 1924 году «Летописи жизни и творчества Белинского» (под ред. Н.К.Пиксанова) постепенно установилось иное название жанра – «летопись жизни и творчества».

Как видно уже из первоначального обозначения жанра («канва для...»), он мыслился как труд вспомогательного характера и расценивался как определенный этап в подготовке полноценной научной биографии. Такое его назначение оговаривается во вступительных статьях многих позднейших изданий, в том числе и музыковедческих. Например, в предисловии к летописи «Труды и дни М.П. Мусоргского» А.А.Орлова замечает: «При ... отсутствии исчерпывающих

⁹ См.: Грот Я.К. А.С.Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. Санкт-Петербург, 1887 («Хронологическая канва для биографии Пушкина» помещена на страницах 233-249); 2-е изд.: Санкт-Петербург, 1899.

монографий о жизни и деятельности ряда крупнейших композиторов, «летописи» являются той первоосновой, на которой возникают дальнейшие монографии...»¹⁰.

В то же время составители «летописей» все чаще выказывают стремление придать своему труду самостоятельное значение, выходящее за пределы «канвы для биографии», «подготовительного этапа для дальнейшего изучения» или «простого справочника». К этому, как правило, присоединяется и желание сделать «летопись» предметом заинтересованного чтения – сама возможность живого читательского интереса воспринимается как признак значимости и полноценности жанра. Важность этого параметра особенно часто отмечается в музыковедческих «летописях».

Стремление приблизить «летопись» к традиционной монографии сказывается иногда в предварении ее большой авторской обобщающей статьей. Так, «Летопись жизни и творчества С.А.Есенина» открывается статьей Ю.Л.Прокушева «Прозрения гения»¹¹; другое подобное издание, посвященное Е.А. Боратынскому, включает вступительный раздел «Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского»¹².

Совершенно особую роль в судьбе жанра сыграли публикации, близкие летописи, но по ряду особенностей вышедшие за рамки ее канонов, носившие как бы «около-летописный» (или «пара-летописный») характер.

Самым ярким образцом «пара-летописного» жанра явилась знаменитая книга Викентия Вересаева «Пушкин в жизни»¹³. Она впервые вышла в 1926 году и выдержала не менее шести изданий. С «летописью» эту работу сближают хронологический порядок расположения материалов и ярко отраженная в этих материалах событийная сторона жизни героя (это дало основание некоторым другим авторам причислять эту работу именно к жанру «летописи».) Вместе с тем главной целью составителя было собрать суждения современников о личности Пушкина и обрисовать таким способом его «характер, настроения, привычки...» - словом, все замеченные окружающими приметы его повседневного бытия. При отборе соответствующего этой задаче материала автор, по его словам, «...старался быть возможно менее строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно всё, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного»¹⁴. При этом в книге не ставилась цель открытия новых архивных источников и тщательной проверки приводимых данных. В предисловии ко второму изданию автор писал: «Полная

¹⁰ Орлова А.А. Труды и дни М.П.Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М.: Музгиз, 1963. С. 4.

¹¹ Прокушев Ю.Л. Прозрения гения // Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5-ти томах. Гл. редактор Ю.Л.Прокушев. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 5-60.

¹² Песков А.М. Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е.А.Боратынского. / Сост. А.М.Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 9-47.

¹³ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Характер – настроения – привычки – наружность – одежда – обстановка (систематический свод подлинных свидетельств современников). Вып. 1-4. М.: Новая Москва, 1926-27.

¹⁴ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Характер – настроения – привычки – наружность – одежда – обстановка (систематический свод подлинных свидетельств современников). Вып. 1-2. М.: Новая Москва, 1926. С. 7.

критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы огромной работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этой книгой»¹⁵.

Новизна книги Вересаева состояла в отказе от какого-либо вмешательства составителя в документальную канву повествования. «Голосам» документов было предоставлено звучать открыто и мощно, без посредничества истолкований и оценок. Такая установка сама по себе дала неожиданный и яркий эффект – оказалось, что давно опубликованные и большинству читателей известные свидетельства, собранные вместе и поданные без тенденциозных купюр и комментариев, способны нарисовать во многом неожиданный образ великого художника. Этот новый образ вызвал довольно активную полемику и вынудил Вересаева в предисловии к третьему изданию разъяснять свою позицию. «Многих моих оппонентов, - писал он, - коробило то якобы умаление личности Пушкина, которое должно получиться у читателей вследствие чтения моей книги. И все они дружно цитировали известное письмо Пушкина к Вяземскому по поводу уничтожения Г.Муром интимных записок Байрона»¹⁶. Вересаев напоминает текст этого письма, в котором Пушкин призывает «оставить любопытство толпе» и бросает гневные слова об отношении толпы к слабостям гения: «Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы – иначе!» Вересаев по-своему трактует эти слова, делая свой вывод: «...совсем нет необходимости скрадывать темные и отталкивающие стороны в характере и поступках Пушкина из боязни, что “толпа” с удовольствием начнет говорить: “он мал, он мерзок, как мы!” Художник, рисуя прекраснейшее лицо, не боится самых глубоких теней, - от них только выпуклее и жизненнее станет портрет...»¹⁷. Приверженность исторической правде Вересаев считает безусловной и главной задачей любого труда о великом человеке.

Опыт Вересаева нашел неявный отзвук в уже упоминавшейся работе Асафьева о Рубинштейне, что сказалось в обилии цитат из исторических документов, в расчете на живую реакцию читателя. Более явно и осознанно было влияние труда Вересаева на гораздо более поздний образец – книгу О.П.Ламм о Н.Я.Мясковском. В этом признается и сама составительница: «автор... стремился, следуя примеру В.В.Вересаева в его замечательной биографии “Пушкин в жизни”, основанной на опубликованных источниках, показать жизнь Н.Я.Мяковского в музыке»¹⁸. И так же, как труд Вересаева, эта работа несет в себе явные черты «пара-летописного» жанра.

Следование образцу Вересаева проявилось в данном случае, прежде всего, в усилении «голоса» приводимых документов – О.П.Ламм сводит к минимуму

¹⁵ Цит. по: Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Характер – настроения – привычки – наружность – одежда – обстановка (систематический свод подлинных свидетельств современников). Издание шестое. Т. 1-2. М. 1936. С. 13.

¹⁶ Там же. С.14.

¹⁷ Там же, с. 17.

¹⁸ Ламм О.П. Страницы творческой биографии Н.Я.Мяковского. М.: Сов. комп., 1989. С. 23.

собственные констатации и комментарии, предваряя цитирование только кратким указанием на его источник и дату упоминаемых событий.

Формирующееся отношение к «летописи» как самостоятельному научному жанру заметно и еще в одной тенденции – в акцентировании не только подготовительного, но и итогового его характера. Так, составители «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» подчеркивают: «Создание такой летописи оказалось возможным благодаря многолетней научно-исследовательской и публикаторской работе отечественных и зарубежных ученых»¹⁹. В изучении творчества писателя летопись, как считают некоторые ученые, знаменует собой весьма ответственный этап, которому предшествует большая подготовительная работа, предполагающая в первую очередь «...издание полного собрания его [писателя] сочинений с критически установленным текстом, со сводом вариантов и с возможно точной датировкой каждого призведения...»²⁰.

Капитальность летописного жанра, количество вложенного в его образцы труда в последние 10-15 лет выдвинули его на одну из ведущих ролей в современной отечественной науке. В представлении ряда авторов он существует уже на равных с другими типами исследований и даже, как утверждается в одной из работ, «...по обилию зафиксированных фактов и свидетельств летопись намного превосходит любую биографию, автор которой, естественно, отбирает лишь те факты, которые представляются ему значительными»²¹.

Обозначившийся (может быть, пока еще не очень явно) новый статус летописного жанра определила – едва ли не в первую очередь – новая роль факта и документа в современной культуре. Проверенный на подлинность исторический документ обрел в сознании современного читателя особый вес, порой он способен сказать больше, чем занимательно выстроенный рассказ о знаменитом художнике. Более того, всякая попытка вторжения в документ может восприниматься как искусственно возводимая преграда между пытливым читателем и исторической правдой. В нашей стране эта тенденция обусловлена и «обратной реакцией» на широко практиковавшееся в советский период идеологически тенденциозное «препарирование» документов (утаивание и избирательное цитирование первоисточников, обильное и навязчивое их комментирование). В этих условиях именно «летопись», содержащая только даты и факты, подтвержденные проверенными источниками, может удовлетворить почти всеобщую потребность в не приукрашенной правде.

¹⁹ Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5-ти т. / Общая ред. Ю.Л.Прокушева. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 61.

²⁰ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. В 4-х т. / Составитель М.А.Цявловский. Издание второе. Л.: Наука, 1991. С. 3.

²¹ Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Издание второе. М.: Индрик, 2008. С. 4.

Между тем, как известно, «правда» и «исторический факт» не тождественны документу как источнику. Они должны быть реконструированы из дошедших до нас текстов, что само по себе предполагает тонкую и творческую аналитическую работу. Об этом с исчерпывающей точностью и полнотой писал Ю.М.Лотман: «...самим словом “факт” историк обозначает нечто весьма своеобразное. В отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или от опытных, которые способны их наблюдать, историк обречен *иметь дело с текстами*. <...> Между событием, “как оно произошло” и историком стоит текст, и это коренным образом меняет ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историк предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие»²². С точки зрения современной исторической науки составитель «летописи», по традиции начиная с указания даты, места действия и описания события или факта, сразу оказывается в положении интерпретатора, посредника между документом и историческим фактом. И это следует учитывать и автору, и читателю.

Стремление к строгой документальной точности приводит порой к тому, что отдельные признаки «летописи» начинают приникать и в исследовательские работы других жанров. Сказалась эта особенность и в музыковедении. Симптоматично, например, включение в монографию С.И.Савенко «Мир Стравинского» (М.: Композитор, 2001) «летописной» по существу первой главы (названной автором «Curriculum vitae»). Как и положено в «летописи», события личной и творческой жизни героя сгруппированы по годам и расположены в строгой хронологической последовательности. Приоритет, который здесь отдан самому «языку документов», отсылает к уже обсужденным образцам В.В.Вересаева и О.П.Ламм. Необычным и новым для «летописного» изложения в этой главе книги Савенко являются краткие характеристики основных сочинений композитора.

Влияние документалистики и, как следствие – жанра «летописи» – можно увидеть и в книге Ю.С.Векслер «Альбан Берг и его время» (СПб.: Композитор, 2009). Тип исследования указан в авторском подзаголовке – «Опыт документальной биографии», а во Введении в качестве стимула для выбора жанра называется «желание дать голос материалу»²³. В соответствии с этим заданием в монографии преобладают откомментированные цитаты из документов, что вместе с хронологическим принципом изложения сближает исследование Векслер с традиционными «летописями».

Интересной особенностью данной книги является включение в нее «вставных глав», прерывающих хронологическую канву повествования, чтобы предложить

²² Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб. 2004. С. 335-336.

²³ Векслер Ю.С. Альбан Берг и его время. Опыт документальной биографии. СПб.: Композитор, 2009. С. 4.

читателю специальное обсуждение отдельных проблем (эти главы названы автором «экскурсами»), например – «Вена на рубеже веков: венский модерн», «Утраченные иллюзии»: о духовных исканиях на переломе эпох», «Музыка в годы национал-социализма» и т.п. В результате книга несет в себе редуцированные черты расширенной летописи и проблемной монографии.

Наметившиеся тенденции в изменении статуса и облика жанра летописи жизни и творчества музыканта могут дать новые, весьма перспективные результаты. Все приведенные здесь наблюдения позволяют полагать, что научные ресурсы этого жанра и всей, близкой ему информационной сферы, не только не исчерпаны, но еще только начинают по-настоящему реализовываться.